

ОСОБЕННОСТИ, ПАРАДОКСЫ И ИТОГИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1922 ГОДА

Судебный процесс над группой социалистов-революционеров проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. и приковал к себе внимание не только российского общества, но и всей демократической и социалистической общественности Европы и Америки. Однако он стал хотя и кульминационным, но все же лишь промежуточным этапом во взаимоотношениях эсеровской и большевистской партий, и властям понадобилось еще несколько лет на «добивание» эсеров, как метко выразился начальник секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонов¹. Дату прекращения существования ПСР в СССР следует перенести с 1922 г. примерно на конец 1925 – начало 1926 г., когда прекратило существование Центральное бюро эсеровской партии.

Противостояние же эсеров и большевиков имело глубокие корни, так что в процессе 1922 г., как в фокусе, собрались все весьма противоречивые тенденции почти полувековых взаимоотношений «друго-врагов» – социал-демократов и народников, и это судилище следует рассматривать как составную часть большой политической кампании большевиков, имевшей своей целью насильственно поставить точку в затянувшемся споре между марксизмом и народничеством. При этом после октября 1917 г. большевики видели в эсерах наиболее влиятельную политическую партию, получившую право на власть по итогам выборов в Учредительное собрание, что лишало сторонников Ленина права единолично определять судьбы страны, к чему они так стремились. Окончательно же устранить эсеров с политического поля большевикам удалось лишь к началу 1940-х гг. после физического уничтожения носителей идей и партийных функционеров, потенциально способных воссоздать партию.

Но достижение этой цели требовало дискредитации идеологии и тактических принципов деятельности ПСР, предлагавшей иную модель социалистического общества и другие пути и методы его построения. Борьбу на этом направлении социал-демократы начали еще в 1890-е гг. Особый размах она получила после организационного оформления ПСР на рубеже 1901–1902 гг., достигнув своей кульминации в 1917 г. и в последующий период. При этом после октября 1917 г. идеологическая борьба все теснее переплеталась и даже уступала место откровенным репрессиям в отношении руководителей и рядовых членов эсеровской партии. Значение репрессивных мер большевиков в гибели ПСР исторической наукой никогда не отрицалось, но и не воспринималось достаточно серьезно. В советской историографии многие десятилетия вопрос о причинах гибели оппозиционных партий, в том числе ПСР, однозначно трактовался как результат, с одной стороны, их «идейного банкротства» в глазах трудящихся, обративших свой взор на «единственно верное» марксистско-ленинское учение и отвернувшихся от предателей их интересов, а с другой – как следствие разочарования рядовых членов этих партий в их программе и тактике. Сейчас ситуация изменилась, но рецидивы старых подходов еще явно не изжиты². Не умаляя значения идейных разногласий, которые были важным источником отдельных неудач ПСР в борьбе за власть и многих внутрипартийных проблем, мы не можем говорить об идейном крахе партии эсеров как главной причине ее политической смерти. Более того, сегодня мы знаем, что к углублению идейного кризиса и усилению фракционной борьбы было приложено немало совместных усилий партийных и чекистских органов большевиков.

Организуя судебный процесс над эсерами, большевики считали его самым эффективным и эффективным способом для решения поставленной задачи. Годом позже Н.В. Крыленко высказался на этот счет весьма афористично: «Дубина – примитивное оружие, винтовка поэффективнее, но самое эффективное – это суд»³. Кроме того, гласного

* Морозов Константин Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель исследовательской программы в Научно-информационном и просветительском центре «Мемориал».

процесса требовали договоренности делегации Коминтерна с представителями Интернационалов. Главной и совершенно уникальной чертой процесса 1922 г., резко выделяющей его из всей как дореволюционной, так и советской судебной практики, было открытое противостояние на нем двух политических партий, одна из которых отняла у другой власть фактически дважды – в октябре 1917 и в январе 1918 г. Поэтому те, кто судил (коммунисты), и те, кого судили (эсеры), стремились доказать и себе, и друг другу, и всему миру, что они-то как раз и есть истинные революционеры, а противостоящая им сторона – это подлинные предатели революции и трудящихся. Это стремление ярко проявлялось во всем: и в подборе обвинительного материала в рамках предварительного следствия, и в дискуссиях на самом процессе, и в последних словах подсудимых, и в той пропагандистской антиэсеровской и контрпропагандистской антибольшевистской кампаниях, которые вели эти противостоящие друг другу партии. Без ясного осознания этой главной особенности процесса исследователь и читатель будут просто сбиты с толку абсурдностью (с точки зрения юриспруденции) того, что происходило во время подготовки и проведения процесса 1922 г. Указывая на парадокс, заложенный уже в самой формуле обвинения, лидер меньшевистской партии Ю.О. Мартов еще до начала процесса писал в статье «Кровавый фарс»: «Правительство до крайности расширило рамки процесса, введя в него, в сущности, всю деятельность партии с.-р.-ов со времени октябрьского переворота, направленную против этого переворота. Юнкерское восстание ноября 1917 года, образование Комитета Учред. собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве – словом, все акты *сопротивления* эс-эров большевистскому перевороту 25 октября вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, – случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредительного собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!»⁴

Без всяких сомнений, самым уязвимым моментом для организаторов процесса стала проблема его правовой обоснованности. Во-первых, перед большевиками встала задача обойти один из основных постулатов римского права, гласивший: «Нет закона, нет преступления». Другими словами, все преступления, совершенные в конце 1917–1918 гг. (например, деятельность «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде в конце октября 1917 г., во главе которого стояли эсеры, или образование правительства Комуча в Самаре летом 1918 г., чья Народная армия вела боевые действия против Красной армии), должны были рассматриваться в рамках закона того времени. Однако этот путь большевикам был заказан хотя бы уже потому, что после захвата власти они отменили все прежние законы и создали систему новых лишь к середине 1922 г., сознательно разрушив тем самым все правовое поле. Конечно, законы времен Гражданской войны были в высшей степени приспособлены для эффективной расправы с политическими врагами, но устраивать на их основе процесс, находившийся в центре внимания мировой общественности, а следовательно, расписываться в вопиющем правовом нигилизме значило оказаться политическими банкротами. Поэтому большевистская власть нашла достаточно простой выход из этой ситуации – она судила эсеров по законам, принятым уже после инкриминируемых им преступлений.

Во-вторых, огромной проблемой стала (и остается таковой до сих пор) правомочность применения юридических норм к событиям, радикально трансформирующим общество и запрещаемым законами любого государства (революция, государственный переворот, гражданская война). Большевики пытались решить эту проблему, встав на чисто формальную точку зрения: есть ряд действий эсеров в 1917–1918 гг. и есть положения более поздних законов, под которые эти действия подпадают. С этой точки зрения, вооруженная борьба эсеров с большевистской властью становилась противоправной, так как была направлена на свержение существующей власти. В то же время организация суда над политической партией не имела в юриспруденции прецедентов и соответствующих юридических механизмов. Вопиющая юридическая безграмотность

сыграла с членами Политбюро и Президиума ГПУ злую шутку, поскольку само постановление Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. «о предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р» было юридическим нонсенсом, ибо, по закону, судить можно было только людей, а не учреждение.

24 февраля 1922 г. Президиум ГПУ постановил предъявить обвинение 43 членам ЦК ПСР состава 1917, 1918 и последующих годов и 140 активным членам ПСР за участие «в организации вооруженного свержения Соввласти, терроре и экспроприациях». Это постановление исправляло ошибку предыдущего, но создавало массу новых проблем юридического и практического характера. Решив предъявить обвинение всем, кто был указан в составе ЦК ПСР, и еще 140 «активным» эсерам (куда включили всех сколько-нибудь видных эсеров), чекисты, очевидно, не представляли себе, какой объемом следственных действий необходимо будет провести для конкретного обвинения каждого из этих 183 человек. Напомним, что предварительное следствие по знаменитому делу 193-х длилось в 1870-х гг. около трех лет. Любопытна резолюция Л.Б. Каменева на данном документе: «т. Молотову. Боюсь, что сделана ошибка перечислением всех с.-р. Для дальнейшего ведения дела надо образовать специальную негласную коллегию – Уншлихт, Крыленко, Луначарский, Покровский (фамилию Покровского Каменев затем вычеркнул. – К.М.) и Стеклов. Тайная, для собирания материалов и руководства. Л.К[аманев]»⁵.

При этом небрежность, допущенная при составлении данного документа, феноменальна до анекдота: более чем у половины обвиняемых отсутствовали инициалы, были допущены многочисленные ошибки в написании фамилий, в нем оказались 12 умерших и погибших⁶. Надо полагать, что и в розыскных списках, отправленных в губотделы ГПУ, дело обстояло не лучше. По крайней мере немалое количество людей из списка так и не обнаружилось⁷. Но наиболее ярко небрежность и юридический нигилизм членов Политбюро и Президиума ГПУ проявились в игнорировании постановления ВЦИК от 26 февраля 1919 г., амнистировавшего все социалистические группы, которые отказались от вооруженной борьбы с советской властью. Анекдотичность ситуации усугублялась тем, что спустя 3 недели после начала предварительного следствия Политбюро 23 марта 1922 г. приняло решение назначить «для фактического начала процесса с.-р срок не позже, чем через месяц», а 1 апреля 1922 г. зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихт известил членов Политбюро, что судить эсеров невозможно, пока не дезавуирована амнистия, данная ВЦИК, которая «может быть истолкована, как амнистия за все деяния отдельных членов и групп п. с.-р. в период вооруженной борьбы с советской властью. Так оно истолковывается привлеченными к предстоящему процессу членами ЦК п. с.-р. В соответствующем духе с.-ры выступят и на суде Верховного трибунала». Для исправления ситуации Уншлихт предлагал обнародовать либо «разъяснение НК юстиции о том, что постановление ВЦИК от 26/2–19 г. не распространяется на тех членов п.с.-р., которые приняли участие в террористической и экспроприаторской деятельности п.с.-р. в 1918 г., либо соответствующее постановление Президиума ВЦИК»⁸. Но даже такая трактовка амнистии 1919 г. спасала ситуацию лишь отчасти: ведь прежняя концепция (судить как можно больше эсеров за «преступления» 1917–1918 гг.) разрушалась, поскольку подавляющему большинству подследственных было невозможно вменить в вину (а главное доказать это) их причастность к террору и экспроприациям. Исключение составляли члены Боевой группы Г.И. Семенова, но именно они сотрудничали со следствием.

Некоторые стороны этой проблемы были верно схвачены лидером бельгийских социалистов Э. Вандервельде, который по возвращении из Москвы заявлял: «Большевики выставили против с.-р четыре обвинения: 1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим. 2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защите довести до конца. 3. С.-р. вели вооруженную борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это, несомненно, исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и да-

же легализировала партию. 4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля – кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит»⁹.

Крыленко, спасая ситуацию и действуя через коллегия Верховного трибунала ВЦИК, амнистировал ряд обвиняемых, предложив им подписать специально составленные для этого документы, гласившие: «Я, нижеподписавшийся, настоящим заявляю, что с момента принятия партией социалистов-революционеров (правых) на партийной конференции от 8 февраля 1919 г. резолюции о прекращении вооруженной борьбы с советской властью и опубликования Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом постановления об амнистии тем группам и отдельным лицам партии правых эсеров, которые разделяют решения и постановления указанной конференции и подписавшего соглашение с советской властью Комитета членов Учредительного собрания, – я, разделяя упомянутые постановления, действительно не принимал и не принимаю участие в какой-либо деятельности правых эс-эров или иных групп, направленной к подрыву или свержению советской власти или поддержке прямо или косвенно внутренней или внешней контрреволюции. Постановление о том, что настоящей амнистией не покрывается деятельность, направленная на организацию убийств отдельных представителей советской власти (террор) и подготовку или участие в вооруженных ограблениях (экспроприации), мне объявлено»¹⁰. Смысл этой подписки заключался в том, что давший ее, как стали говорить десятилетия спустя, «морально разоружался» и навсегда закрывал себе дорогу назад, фактически покупая свободу путем подобной унижительной процедуры. Дать подписку отказались П.В. Злобин, В.В. Агапов, Е.С. Берг, Г.Л. Горьков, А.И. Альтовский, В.Л. Утгоф¹¹.

Характерно, что дела более лояльных к большевикам Н.И. Ракитникова и К.С. Буревого было решено «по амнистии производством прекратить без отобрания установленной подписки»¹². А.Ю. Фейту предложили написать подобное заявление собственноручно и в свободной форме¹³. Сделано это было, с одной стороны, вероятно, потому, что он отошел от партии в 1918 г., и за решения конференции ПСР в феврале 1919 г. ответственности нести не мог, а с другой – сыграло свою роль предположение, что Фейт сочтет унижительным давать формальную подписку. Так, уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает свое положение свидетеля «совершенно ненормальным», так как он состоял членом ЦК ПСР и, следовательно, несет всю моральную и юридическую ответственность за работу ЦК за все время пребывания там¹⁴. Другим проявлением юридической уязвимости процесса стала странная для постороннего наблюдателя кардинальная перетасовка состава обвиняемых, которая длилась с февраля 1922 г. практически до самого начала процесса, причем далеко не все предпринятые властями в этом направлении шаги можно объяснить¹⁵.

Для достижения поставленных задач пришлось очень многое корректировать в привычной и устоявшейся процедуре открытого и гласного судебного процесса, который во имя своего скорейшего завершения продолжался по 12 часов в день. Допускались и другие нарушения соответствующих инструкций и законов¹⁶. Было ограничено, в частности, количество публики, допущенной в зал суда, поскольку процесс легко мог превратиться в антибольшевистскую демонстрацию (а по сценарию большевиков публика в зале, как и весь народ, должна была осуждать эсеров как изгоев и поддерживать расправу над ними). Кроме того, власти боялись, что происходящее в зале суда может стать достоянием широкой общественности. Так, например, пустив в зал суда родственников, власти немедленно пострадали от утечки информации (и это несмотря на то, что за родственниками, как и за адвокатами, установили наружное наблюдение и прослушивали их телефоны).

Подбор остальной публики также проводился предельно неудачно и непродуманно, что сразу бросилось в глаза и иностранным защитникам. Власти не догадались (да еще и не научились) подбирать публику из разных социальных страт – так, чтобы она вы-

глядела как можно натуральнее, и потому просто заполнили огромный зал Дома союзов двумя тысячами коммунистов, а в связи с затяжкой процесса были вынуждены проводить их ротацию. Публика использовалась, прежде всего, для давления на подсудимых 1-й группы, ибо гласный процесс не давал властям необходимых рычагов для манипуляции ими («подготовили» и «запрограммировали» на предварительном следствии только подсудимых 2-й группы). Более того, для давления и запугивания обвиняемых 1-й группы власти были вынуждены пойти на приглашение представителей рабочих и устройство 20 июня 1922 г. в зале суда митинга, выступавшие на котором требовали расстрела всех подсудимых. Эта отчаянная попытка властей, терявших контроль над ситуацией, сломить и заставить каяться хотя бы одного-двух эсеров из 1-й группы произвела на Западе грандиозное впечатление своим средневековым характером. В целом можно сказать, что подобранная «коммунистическая публика» позволяла большевикам решать ряд задач, но серьезно испортила впечатление от процесса.

Сценарий гласного суда требовал также выступлений подсудимых и публикации стенограмм процесса, но, выведя на процесс 22 нераскаявшихся обвиняемых 1-й группы, власти явно не подумали о том, в какую ловушку себя загнали. Не давать им слова было невозможно (и без того приходилось десятки раз прерывать их выступления, когда критика большевиков становилась для последних нестерпимой). Однако предавать гласности все, что говорили подсудимые, послужило бы для режима поистине самоубийственным шагом, так как означало бы предоставление эсерам за свой счет огромной и благодарной аудитории. К тому же, власти явно не подумали, какой эффект для них будет иметь «нераскаянность» подсудимых. Сначала с предложением бывшего эсера В.А. Чайкина (выступившего с разоблачениями эсеровской партии) издавать в независимом издательстве полные стенограммы процесса согласился председатель Верховного революционного трибунала, а затем Президиум ВЦИК, но 16 мая 1922 г. на четвертом заседании комиссии Политбюро ЦК РКП(б), на котором присутствовали Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, А.В. Луначарский, бывший член ЦК партии левых эсеров, а потом номенклатурный большевистский работник в области пропаганды и печати Б.Р. Малкин и Н.В. Крыленко, было решено «просьбу с-р Чайкина о печатании стенограмм отклонить»¹⁷. В этой ситуации Президиум ВЦИК отменил свое предыдущее решение¹⁸.

Можно сказать, что Политбюро проявило большую прозорливость, понимая, что не удастся удержать подсудимых 1-й группы под контролем и поэтому полные стенограммы заседаний суда станут отражением не только побед, но и поражений власти на процессе. В результате, несмотря на публичные обещания, стенограммы так и не были изданы. Подневные же информационные сводки, печатавшиеся в центральной прессе, содержали неполную или препарированную информацию. Но то, что годилось для «внутреннего» потребления, было непригодно для «внешнего». Большевики не могли дать иностранным защитникам подневных стенограмм и в результате столкнулись с отказом последних от защиты.

Вообще степень опасности такого фактора, как неуправляемость адвокатов 1-й группы подсудимых, власти явно недооценили. Уже одно то, что русские адвокаты честно и профессионально исполняли свои обязанности, превратилось для организаторов процесса в весьма серьезную проблему. Ведь подобрал состав суда, обвинителей, часть свидетелей и даже публику в зале, а также избежав участия в процессе «политических защитников» из числа эсеров-эмигрантов и адвокатов-меньшевиков, власти, похоже, неожиданно для себя столкнулись с тем, что отечественные адвокаты своей профессиональной честной работой стали всерьез мешать реализации поставленных ею целей.

После скандала с иностранными защитниками-социалистами (они отказались от выполнения своих обязанностей, поняв, что своим присутствием лишь придают видимость законности тому действию, которое являл собой процесс над эсерами, но власти запретили им отказываться от защиты и уезжать за границу, в результате чего иностранцы объявили голодовку и сутки спустя все же смогли покинуть Россию), россий-

ские адвокаты, желая покинуть зал суда после митинга 20 июня, окончательно лишали большевиков важнейшего атрибута открытого процесса – состязательности сторон. Когда же власти начали их запугивать, трактуя отказ от защиты как уголовное деяние, то поставили себя в весьма невыгодное положение. Недаром член ЦК ПСР, юрист по образованию М.Я. Гендельман, взявший на себя после ухода адвокатов защиту своих товарищей, восклицал: «Теперь гражданин обвинитель считает, что здесь (с уходом защиты. – К.М.) имеет место крупное, чуть ли не уголовное нарушение. Что это значит? Это значит, что гр-н обвинитель всякое инакомыслие по отношению к нему со стороны защитников рассматривает как уголовное деяние...»¹⁹. Дальнейшая судьба адвокатов 1-й группы обвиняемых блестяще подтвердила печальную правоту слов Гендельмана. 18 августа адвокаты В.А. Жданов, А.С. Тагер и Н.К. Муравьев подверглись аресту. С Муравьева и Тагера была взята подписка о прибытии к 8 декабря 1922 г. в Казань, куда их хотели сослать на три года. Гуревич, которого ГПУ уличило в передаче члену ЦБ ПСР Г.К. Покровскому стенограмм процесса, в августе 1922 г. был выслан в административном порядке на 2 года в Нижний Новгород. Такого история и практика русской адвокатуры, без сомнения, еще не знала!

Необходимо отметить, что весь судебный процесс с самого начала – с заявления 1-й группы подсудимых и их защитников, указавших на серьезные и многочисленные нарушения закона и процессуальных норм, и до конца прошел под знаком одного требования к власти, которое много лет спустя повторили диссиденты: «Выполняйте собственные законы». При этом подсудимые, заявив об отводе судей, не ограничились формально юридическими аргументами. Они попытались использовать для доказательства своей правоты авторитет общего и для эсеров, и для социал-демократов учителя – Карла Маркса. Но разговора на одном языке между подсудимыми эсерами и обвинителями-коммунистами, судьями-коммунистами и коммунистической публикой не получилось. Вряд ли ошибочно предположение, что большинство коммунистов в зале действительно впервые услышали о том, что Карл Маркс являлся одним из учителей эсеров. Эти коммунисты, вступившие в партию в 1917–1920 гг., не понимали того языка, который еще совсем недавно объединял эсеров и большевиков, потому что у них уже был иной «культурный код». Именно поэтому публика со смехом встречала слова об общем учителе, находя их весьма забавными. Однако, анализируя ситуацию в целом, можно сказать, что соединение на процессе яркой, полемичной и непримиримой позиции 22 подсудимых 1-й группы и блестящей профессиональной защиты их интересов русскими адвокатами, методично и убедительно вскрывавшими серьезные нарушения в организации и ведении процесса, стало своего рода бинарным зарядом, взорвавшим заботливо спланированный властью ход процесса. Это подтвердила борьба подсудимых 1-й группы и их адвокатов за право дать развернутый ответ о признании или непризнании подсудимыми своей вины.

Яркой особенностью процесса стала (насколько известно, впервые в отечественной и европейской практике) конструкция из двух групп обвиняемых, сидевших на разных скамьях подсудимых, имевших каждая своих адвокатов (причем защитники 2-й группы обвиняемых были не юристами, а видными государственными и политическими деятелями, выступавшими с отдельными заявлениями не только по процессуальным вопросам). Это было необходимо власти для достижения политических целей, в том числе и для раскола эсеро-подполья и самих подсудимых. Об этом говорил в своем последнем слове М.А. Лихач: «Мы имеем в данном процессе не одну скамью подсудимых, на которых сидят обвиняемые, которых обвиняют в определенных преступлениях. Мы имеем здесь две скамьи подсудимых: одна так называемая 1-я скамья, где сидит Центральный Комитет партии эсеров и все члены, оставшиеся верными партии социал-революционеров, – и другая скамья подсудимых, главное ядро которых составляют бывшие члены партии социал-революционеров, перешедшие в коммунистическую партию, принятые в эту коммунистическую партию и по директивам этой коммунистической партии действующие и обвиняющие в настоящем процессе»²⁰. По меткому выражению Лихача, по сравнению со всеми предыдущими политическими процессами в истории

революционного движения на процессе 1922 г. «элемент предательства возведен как бы в квадрат». Но использование ренегатов компрометировало и саму власть даже в глазах части коммунистов, брезгливо отнесшихся к подобным людям. Вероятно, это явление стало весьма ощутимым, если Уншлихт еще задолго до начала процесса, 22 марта 1922 г. обратился в Политбюро с предложением об издании специального партийного циркуляра: «ГПУ просит ЦК РКП применять в отношении мещански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к бывш[им] с.р., принимающим участие в разоблачении П.с.-р., решительные меры»²¹. Но подобные меры не помогали, и после окончания процесса получившие смертный приговор, но амнистированные Семенов и Коноплева, отправленные в один из санаториев, столкнулись с бойкотом даже со стороны коммунистов²².

Между тем отстаивание образа Семенова и Коноплевой как честных революционеров было крайне важно для организаторов процесса. Положенные в основу обвинения откровения бывшего эсера Семенова, которые он изложил в брошюре «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.», и которые дополнила Коноплева, оказались весьма ценными для большевиков. Ведь обвинения в связях с союзниками России по Антанте и в получении от них денег, в совершении покушений на видных большевиков (ЦК ПСР от участия в них отказывался), а также в проведении ряда экспроприаций, часть из которых была типичным грабежом, в подрыве воинских и санитарных поездов и т.п. били эсеров по самому уязвимому месту, разрушая их образ борцов за идею и превращая (не без помощи умелой большевистской пропаганды) в агентов мировой буржуазии, получающих жалованье за свою подрывную деятельность против трудящихся Советской России.

Но ложившееся на Коноплеву и Семенова клеймо ренегатов и провокаторов грозило погубить не только их репутацию, но и сорвать весь процесс и как минимум смазать то впечатление, на которое рассчитывали власти. Поэтому дискуссия о том, можно ли считать Семенова и Коноплеву предателями, стала составной частью вспыхнувшей на процессе дискуссии о сущности предательства и о его трактовках. Оппоненты подсудимых 1-й группы, будучи не в состоянии опровергнуть их аргументы в системе еще недавно единых ценностей и этических норм, пытались это делать с новых позиций, густо замешанных на «алгебраических формулах» политической целесообразности, верховенства интересов революции над моралью и т.д. Защитник Семенова, видный коммунист П.А. Шубин, нашел хитрый полемический прием: разбирая смысл терминов «предатель» и «предательство», он пришел к выводу, что Семенов не предатель, а вот буржуазия действительно предала эсеров, которые верой и правдой якобы ей служили²³.

Рассматривая проблему предательства сквозь призму политической целесообразности, Бухарин, обращаясь к эсерам – подсудимым 1-й группы говорил: «Вопрос о подсудимых второй группы («раскаившихся», по терминологии советской власти, или «ренегатов», с точки зрения их бывших товарищей по партии. – К.М.) есть вопрос о предательстве предателей. ... Если эта определенная группа лиц, вышедшая из вашей партии, ваше предательство раскрыла, ... то это есть их историческая заслуга ... Нам интересно то, что полезно и правильно с точки зрения международной революции и революционного рабочего класса... Моя точка зрения по вопросу о предательстве, моя личная точка зрения заключается в том, что здесь, по сути дела, никакого вопроса нет»²⁴. Но настоящей программной речью для подсудимых-ренегатов стала речь фактического их лидера Г.М. Ратнера (его сестра – член ЦК ПСР Е.М. Ратнер, подсудимая 1-й группы, называла брата «Гришка-ренегат»), специально введенного для этой роли в состав 2-й группы. Фактически он вслед за Бухариным весьма «творчески» применил диалектику, считая, что предать партию, предавшую революцию (которая и есть высшая ценность), – это не предательство, а благо и геройская жертва во имя революции. Ратнер восклицал: «Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру. Если требует революция, то семейные отношения не существуют... Вот в том-то и дело, что от старой морали осталась только форма, ... но содержание этой мо-

рали давно уже истлело, истрепалось и не могло не истрепаться, ибо современная политическая борьба этих старых этических понятий не терпит...»²⁵.

Отвечая брату и Бухарину, Е.М. Ратнер в своей последней речи сказала: «Бухарин понимает предательство оригинально ... Вот эта алгебраическая формула: минус на минус дает плюс, предатель, предающий предателя, честен. Вот эта формула, моральная формула, критики никакой не выдерживает, потому что политический отказ от максимальных требований, то, что он называет предательством и моральным предательством растления собственной души, эта категория настолько разная и несоизмеримая, как фунт и аршин ... Они друг с другом совершенно не связаны. И это, конечно, политический прием только для того, чтобы чем-нибудь, каким-нибудь политическим вольтом покрыть то моральное убожество, которое лежит на лице всей социал-демократической коммунистической партии, когда она своим знанием покрыла моральное предательство... В своем последнем слове я заявляю, что до тех пор, пока вы будете заниматься не только политическим экспериментаторством, но и моральным экспериментаторством, до тех пор никакого права на название партии не только социалистической, но честной партии у вас не будет»²⁶.

Процесс сопровождался организованной большевиками широкой «идейно-дискредитационной» кампанией, в ходе которой использовались пресса, листовки и даже частушки и плакаты антиэсеровского содержания. Однозначно оценить результаты этой кампании («успешная» или «неуспешная») практически невозможно. С одной стороны, потому, что она на разных уровнях решала разные задачи, причем одни из них властью были решены блестяще, другие – удовлетворительно, третьи – с треском провалены. С другой – потому, что, как это ни парадоксально звучит, по ряду направлений эсеры использовали эту кампанию и сам процесс с большой пользой для себя.

Какие же задачи решала при этом власть? Прежде всего, речь шла о дискредитации социалистической альтернативы большевизму в глазах той части общества, которая верила в социализм, и об утверждении идей и практики большевизма как единственно возможных и верных (окончательный успех на этом поприще был достигнут позже). Кроме того, был в общих чертах создан, а позже «отшлифован» в десятках фильмов и книг образ «врага народа» – коварного, лживого, запутавшегося и прекраснодушного, но все равно подлого. И надо сказать, что эту двуединую цель большевики в общих чертах достигли, как решили и производную от нее, но очень важную саму по себе задачу сужения социальной базы эсеровской партии и отсечения от нее различных социальных групп. Но здесь не обошлось без неприятных для большевиков сюрпризов. Процесс вызвал заметный рост интереса к эсерам в молодежной, прежде всего студенческой среде, что проявилось в приходе в ПСР в 1922–1924 гг. новых членов. Власти недоучли, что привлечение внимания к «преступной» политической партии при определенных условиях может обернуться и против них самих. Здесь сказались традиционное сочувствие интеллигентов и студентов идеям свободы и демократии, неприятие методов и практики большевизма, симпатия к мужественному поведению на суде обвиняемых 1-й группы, а также гражданская зрелость и юридическая грамотность части студенчества. Конечно, методичные аресты «перемолотили» и старых, и новых членов ПСР, и в 1925–1926 гг. она организационно уже перестала существовать (оставалась только «эсеровская среда», по большей части в ссылках), но то, что происходило в 1923–1924 гг., служит еще одним доводом против ставших уже традиционными выводов об «идейном и моральном банкротстве» эсеров.

Неприятными и неожиданными для властей стали и процессы, начавшиеся в эсеровской партии в качестве своего рода защитной реакции на нападения со стороны коммунистов. Во-первых, расколота эсеровская эмиграция, где «правые» во главе с Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, А.Ф. Керенским, В.В. Рудневым и «левые» во главе с В.М. Черновым существовали практически автономно, постарались забыть о личных дразгах и весьма серьезных идейных разногласиях и объединилась для спасения (как они сами считали) «московских смертников». Это сделало работу эсеровской эмиграции по развертыванию антибольшевистской кампании за рубежом более эффектив-

ной, чем прежде, хотя, конечно, ряд разногласий сохранился. Во-вторых, существовавшая (и искусно подогреваемая чекистами и большевистской пропагандой) неприязнь российских эсеров к эсерам-эмигрантам (подобное явление имело место и до революции как в ПСР, так и в обеих фракциях РСДРП) благодаря сверхусилиям эмигрантов пошла на убыль. В-третьих, недовольство и претензии рядовых эсеров к «партийным генералам» также шли на убыль, ибо последние вели себя на скамье подсудимых перед лицом угрозы смертного приговора весьма достойно. Примечательно, что когда в 1923 г. пронесся слух, будто большевики готовы обменять сидящих в тюрьме членов ЦК ПСР на видных эсеров-эмигрантов, о своей готовности ехать в Москву заявили В.М. Зензинов, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, С.П. Постников, Г.И. Шрейдер, А.Ф. Керенский, Е.К. Брешко-Брешковская. Слух оказался ложным, но можно не сомневаться, что все добровольцы (а иные из них имели у своих сопартийцев весьма подмоченную прошлыми ошибками репутацию), оказавшись в тюрьме, подняли бы свой авторитет в глазах российских эсеров. В-четвертых, консолидационные процессы начались в самой российской эсеровской и околоэсеровской среде. По словам секретаря Заграничной делегации ПСР Б.Н. Рабиновича, «процесс сгладил все наши разногласия, публика забыла о всех своих дрязгах и дружно повсюду работает. Сгладилась и наша российская атмосфера. Все это очень радует, процесс сыграл колоссальную роль и было бы совсем хорошо, если б удалось вырвать наших мучеников из когтей обезумевших людей...»²⁷. Кроме того, российский ЦБ ПСР в письмах за границу весной-летом 1922 г. констатировал рост партии и возвращение к работе части старых партийных кадров, отошедших от нее в годы Гражданской войны. Это заставило большевиков затеять грандиозный «ликвидационный» всероссийский съезд бывших эсеров, который, с одной стороны, должен был усилить раскол и сумятицу в эсеровской и околоэсеровской среде, а с другой – продемонстрировать всему миру «самороспуск» ПСР.

Неприятный сюрприз ждал властей и при реализации их желания перессорить эсеров с другими российскими и национальными – социалистическими партиями, прежде всего с меньшевиками. Предъявив обвинение некоторым меньшевикам, власти, помимо желания связать в глазах общества эсеров и меньшевиков воедино, явно пытались спровоцировать последних на отречение от эсеровской тактики в годы Гражданской войны, что повлекло бы обострение отношений между эсерами и РСДРП, тем более что в тот момент чуть было не разгорелся конфликт между руководителями заграничного меньшевистского «Социалистического Вестника» и Черновым²⁸. Но события пошли по другому руслу. Меньшевики не ограничились выражением формального сочувствия (такие заявления сделал ряд национальных партий), а приняли весьма деятельное участие в контрпропаганде. Заграничные делегации эсеров и меньшевиков проводили совместные заседания для координации своих усилий, активно участвовали в контрпропагандистской кампании на Западе, помогали эсерам находить общий язык с рядом деятелей европейского социалистического движения. Меньшевики также попытались направить своих защитников на процесс, что вызвало ярость и категорический отказ со стороны большевистских властей. Но, конечно же, для эсеров было особенно ценно то, что российские меньшевики под угрозой арестов выступали на митингах и рабочих собраниях, устроенных властями, с протестами против процесса, а также боролись с коммунистами печатным словом (по чекистским данным, меньшевистских «контрреволюционных проявлений» в связи с процессом оказалось даже несколько больше, чем эсеровских, так как эсеры были ослаблены волнами арестов, приуроченных к процессу). Важно и то, что с этого времени взаимоотношения эсеров и меньшевиков шли по восходящей, что, впрочем, не мешало им вести подчас острые идейные споры.

Важно подчеркнуть, что чем дальше, тем больше меньшевики переставали клеймить эсеров «мелкобуржуазными демократами» и не отказывали ПСР в ее социалистическом характере, как это было в дореволюционный период. Впрочем, быстрее к этому пришли правые меньшевики, тогда как позиция левоцентристов во главе с Мартовым даже после окончания процесса оставалась не столь однозначной. Тем не менее

обе партии никогда больше не возвращались к той манере ведения межпартийной полемики с грубой бранью и личными оскорблениями, которая была характерна, скажем, для 1902–1904 гг. Достигнутый уровень взаимопонимания и сотрудничества вновь оживил столь популярные в 1901–1902 и в 1912–1914 гг. разговоры о желательности объединения РСДРП и ПСР. Понятно, что в сложившейся ситуации подобный призыв имел только символическое значение, но сама тенденция явилась весьма симптоматичной и при другом развитии событий в стране после 1922 г. новый уровень взаимопонимания, достигнутый между эсерами и меньшевиками, мог бы иметь серьезнейшее политическое значение. В той или иной форме протесты против процесса и выражение солидарности проявили и другие российские партии, включая и таких «друго-врагов», как левые эсеры. Но, конечно, самой крупной неприятностью для большевиков стала реакция на процесс европейских демократических и социалистических кругов, повлекшая за собой разного рода серьезные последствия для советских властей.

Чекисты извлекли из хода и итогов процесса свои уроки. Прежде всего, они превратили его в своего рода тест на политическую лояльность к власти и посредством проведения всякого рода митингов и собраний по месту работы «проверили» значительное число рабочих, служащих и интеллигенции, прежде всего студенчества. Выступавшие с критикой большевиков арестовывались, а «зараженные» эсеровской или меньшевистской пропагандой рабочие коллективы «санировались» массовыми увольнениями и сокращениями штатов. Обращает на себя внимание то, что если поначалу в этой кампании выражения «всемирного гнева» преобладала такая форма его изъяснения, как резолюции собраний тех или иных коллективов или митингов, принимавшиеся путем простого голосования после доклада коммуниста, то позже упор делался на петиционные формы протеста, когда под текстом петиции с осуждением эсеров и требованием для них беспощадной кары люди были вынуждены расписываться (в отдельных случаях выражая при этом свое, отличное от текста петиции, мнение). Впоследствии, насколько можно судить, использовались обе формы, но основной оставалась первая.

Проверке на лояльность подвергались не только «трудящиеся массы». Подобную, провокативную, по своей сути, проверку прошли и три различные категории эсеров: вышедшие из ПСР и вступившие в РКП(б), отошедшие от партийной работы и ушедшие в «культурничество» и личную жизнь, а также работавшие в разного рода советских органах и учреждениях «активные члены ПСР». От них местные партийные органы и чекисты требовали дать подписку или объявления в газеты о выходе из ПСР и отказе от эсеровских убеждений. Многие не выдержавшие проверки, т.е. отказавшиеся давать подобные подписки и объявления, подвергались увольнениям, арестам и ссылке.

Извлекло ГПУ из этих кампаний и процесса также и вполне конкретную для себя пользу, приступив к созданию осведомительной сети в госучреждениях, на производстве, в московских вузах²⁹, узаконив систему внесудебной расправы (административная высылка и ссылка). Вдобавок чекисты набрались ценнейшего опыта, широко использованного ими позже, и отстаивали свое «место под солнцем» в момент реорганизации своего ведомства, всевластия которого стали тогда бояться и некоторые видные коммунисты.

Целесообразно отметить также те уроки, которые большевистский режим извлек из процесса 1922 г. и использовал для борьбы уже не столько с реальной, сколько с потенциальной оппозицией в конце 1920–1930-х гг., когда вновь оказался широко задействован такой инструмент репрессий, как показательные процессы. Процесс 1922 г. нанес сокрушительный удар «шапкозакидательским» настроениям большевистской и чекистской верхушки, желавшей играючи и в сжатые сроки решить ту труднейшую задачу, сложность которой они стали понимать только тогда, когда уже скандалы и провалы обрушились на них самих. Думается, что большевиков подвела склонность к гигантомании и ярким формам, помноженная на чрезмерную уверенность в способности справиться с любой поставленной задачей («нет таких крепостей, которые не сумели бы взять большевики»). В дальнейшем подготовка и проведение процессов такого рода осуществлялись властями значительно более продуманно и тщательно. Гораздо

тщательнее стало проводиться и предварительное следствие, на которое не жалели теперь ни сил, ни средств. Произошел переход к полностью «постановочным» процессам, что позволяло решать сразу целый веер проблем, отчетливо давших знать о себе на процессе 1922 г. Конструкция из двух групп подсудимых применялась в советской практике как минимум еще раз – на бакинском процессе эсеров, состоявшемся 1–9 декабря 1922 г. Но часть подсудимых 2-й группы уже на суде заявила о давлении на них и фальсификации следствия, которое вел не кто иной, как знаменитый впоследствии Л.П. Берия³⁰. 32 подсудимым Верховный ревтрибунал Азербайджанской ССР в числе основных предъявил обвинение в организации поджога нефтяных промыслов в апреле 1922 г., хотя материалы процесса дают серьезные основания считать его провокационным³¹. Исследование бакинского процесса эсеров, будем надеяться, еще впереди, но даже на основе анализа имеющегося материала можно сделать вывод, что его устроители и вдохновители учли промахи организаторов московского процесса: обвинение было предельно конкретным и жестким, хотя и, как представляется, целиком сфальсифицированным, а степень срежиссированности и закрытости процесса в Баку была значительно выше, чем в Москве.

Можно сказать, что «технологическая составляющая» в организации политических процессов с этого момента вышла на первый план и их организаторы могли смело сказать, перефразируя русскую поговорку: «Была бы шея, хомут сделаем». Но и возможности у вдохновителей и организаторов последующих процессов ощутимо расширились по сравнению с 1922 г. Появилась возможность неспешного подбора и отсева участников процесса в зависимости от степени их управляемости. Безусловно, огромную роль здесь играло и то, что следователи получили возможность применять такие способы и методы воздействия на своих «подопечных», о которых в 1922 г. не могло еще быть и речи. Безусловно, психологическое давление и завуалированный шантаж использовались и в 1922 г. (и в ряде случаев вполне успешно), но степень этого давления в 1930-е гг. приобрела уже иные масштабы. В 1922 г. еще не применялись аресты родных с перспективой отправки в лагерь или расстрела, а главное – не было физического насилия и пыток как средств манипуляции подсудимыми. В дальнейшем организаторам процессов удалось достигнуть в этом плане такого артистизма, что порой даже у неангажированных наблюдателей появлялось впечатление правдивости показаний обвиняемых и искренности их раскаяния. Последнее стало обязательным атрибутом каждого процесса, причем нераскаившихся просто не выводили на процесс. Это также явилось уроком процесса 1922 г.: ведь сильный, мужественный враг, способный умереть, но не отречься от своих идеалов, невольно вызывал уважение даже у недоброжелателей и становился примером для подражания, тогда как униженный и молящий о пощаде противник вызывал лишь презрение.

Значительно усилилась координирующая и контролирующая функция «верхов». Так, во время процесса 1922 г. Крыленко позволял себе не только задирать чекистов и часто поступать в пику им, но и спорить (и даже не подчиняться в ряде случаев) с Троцким и Каменевым, входившими в состав «политроицы» Политбюро, курировавшей всю работу по процессу эсеров. Еще важнее то, что часть видных большевиков, в том числе и в руководстве партии, сорвали расстрел 4 эсеров, предложенный Троцким, и заставили Сталина и Троцкого пойти на компромисс. Позже подобного уже не случилось.

Сделав выводы из просчетов процесса 1922 г., Сталин ввел практику ознакомления партийного руководства – членов и кандидатов в члены ЦК – с материалами предварительного следствия и протоколами допросов обвиняемых. Представляется, что это позволяло ему решать сразу три задачи: во-первых, отслеживать возможные ошибки и нестыковки следствия; во-вторых, пропускать через этот тест на лояльность уже всю партийную элиту (пассивность в обсуждении, желание отмолчаться, скепсис или недовольство процессом над своими вчерашними товарищами не оставались незамеченными); в-третьих, это участие использовалось как своеобразная круговая порука в среде партийной номенклатуры. Более того, на тысячах собраний, митингов и демонстраций власти проверяли лояльность уже миллионов людей из самых различных социальных

слоев. Пропаганда вокруг процессов позволяла углублять конфронтацию в обществе, не только натравливая на ту или иную группу населения все остальные, но порой раскалывая даже один слой («красные спецы» против «спецов-вредителей»). Массовое сознание в ходе всех этих собраний, митингов, демонстраций, а также с помощью газет и радио обрабатывалось весьма глубоко и с большим запасом прочности. Публичное осуждение очередных подсудимых приобрело в дальнейшем форму «единодушного» и «всенародного» и выполняло крайне важную для власти функцию социальной консолидации советского общества, построенной на ненависти к многочисленным врагам.

В 1922 г. Ленин, Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Крыленко и многие другие вдохновители, организаторы и участники процесса, многие тысячи коммунистов упивались своей победой, искренне считая, что «победителей не судят!» и что они одержали победу над «мягкотелыми» социалистами, оказавшимися неспособными применить «железо и кровь» и оставшимися верными своим старым святыням и этике российского революционера. Переодетый в форму красноармейца-конвоира чекист подслушал и донес по начальству мимолетный, но в высшей степени важный для нас разговор между Крыленко и А.Р. Гоцем, состоявшийся 4 августа 1922 г.: «После окончания своей речи [Гоц] встретился с тов. Крыленко, который спросил Гоца, неужели они все еще по-старому, на что Гоц ответил утвердительно и, подымаясь по лестнице, сообщил о своем разговоре с Крыленко Гендельману и др.»³². Несмотря на косноязычие чекиста, нам понятно, что интересовало Крыленко. Самый «талантливый прокурор России», как его характеризовали подсудимые 1-й группы, не спрашивал Гоца о связи с интервентами и т.п., поскольку хорошо знал цену выдвинутым против эсеров обвинениям. Он пытался понять, неужели эти люди готовы пойти на расстрел за свои старые интеллигентские «народолюбивые» представления после того, как большевики показали, как можно манипулировать этим народом. Крыленко и большевистская элита расстались со своим «старым» ради власти и искренне удивлялись людям, готовым идти за это на смерть. Именно об этой стремительной эволюции коммунистов писал «Каторжанин» в августе 1922 г. в «Социалистическом вестнике»: «Мне кажется, что нет тех красок, которые описали бы то, что проделала власть до процесса, на самом процессе и вне стен суда. Изумительно все же не это, а то *перерождение вчерашних тюремных сидельцев, а ныне правителей, к которому я никак не могу привыкнуть*» (курсив мой. — К.М.)³³. Именно об этом перерождении говорили эсеры, называя коммунистов «шкурниками» и «пристроившимися революционерами». Именно это имела в виду Е.М. Ратнер, говоря в своей последней речи о моральном экспериментаторстве большевиков, теряющих право называться даже просто честной политической партией.

Неоцененным и непонятым (во всяком случае, недопонятым) остается и сам характер противостояния социалистов и коммунистов, и суть их спора. Проблема изучения исторического и политического соперничества двух этих разновидностей русского социализма осложняется тем, что отечественная историческая наука сделала только первые шаги к тому, чтобы отойти от старых мифов и составить более или менее адекватное представление и о сущности народнической модели переустройства России, и о ее различных вариантах, и о причинах серьезной идейной и личностной неоднородности эсеровской среды, и о ее менталитете. Неоцененным и непонятым остался также и потенциал различных вариантов небольшевистских альтернатив социализма. Идейная же и человеческая победа, одержанная 22 подсудимыми над судившим их режимом, адекватно оцененная частью тогдашнего общества и общественным мнением Европы, в современном российском обществе вряд ли может рассчитывать на подобную адекватную оценку. Парадокс заключается в том, что сегодня, несмотря на то, что идейные и человеческие позиции подсудимых эсеров для многих предпочтительнее, чем позиции большевиков, в массовом общественном мнении победили все-таки большевики, но не потому что оказались правы, а потому что смогли уничтожить своих врагов.

Одержав, если можно так выразиться, формальную победу над подсудимыми 1-й группы, «моральной победы над ними», как справедливо отмечал в 1931 г. меньшевик Б.И. Николаевский, откликаясь на смерть Е.М. Ратнер, «организаторы процесса не до-

бились. Несмотря на все усилия, им не удалось запугать посаженных на скамью подсудимых политических противников и вырвать из их уст ни отречения от своих идеалов, ни раскаяния. Скамью подсудимых они превратили в политическую трибуну и с нее вели пропаганду своих взглядов, критиковали политику своих обвинителей. Этому власти им не простила и с мстительной жестокостью преследовала их в течение всех тех лет, которые протекли после суда»³⁴. Парадоксально то, что власти, рассматривавшие процесс 1922 г. как общую могилу, призванную бесследно поглотить оппозиционных им социалистов, неожиданно для себя создали всем им, безвестно сгинувшим в советских лагерях и тюрьмах 1920–1930-х гг., один общий могильный камень-памятник, который мы сегодня воспринимаем как символ несломленной воли и непреданных идеалов.

Примечания

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 46, л. 157.

² Даже сегодня некоторые молодые историки делают упор на идейное вытеснение ПСР РКП(б), заявляя о том, что «...единственной российской политической партией, не по букве программы и лозунгам, а по действиям, была партия большевиков». По мнению автора этого высказывания, «в голове не только В.М. Чернова, но и многих других политических эмигрантов не укладывалась мысль о том, что советский режим держится отнюдь не на штыках и плечах энкавэдэшников, а на поддержке большинства народа. Режим, созданный в СССР, соответствовал каким-то глубинным чертам русского национального характера, как положительным, так и отрицательным. [...] Все это не укладывалось в выработанную В.М. Черновым систему представлений о социалистическом обществе, которая сформировалась в русле западной политической парадигмы. Для него было характерно признание самоценности отдельной человеческой личности, незыблемости ее прав, а отсюда фетишизация и доведение до абсурда идеи демократии» (Федоренко А.А. Политическая концепция В.М. Чернова. М., 1999. С. 128, 131). Подробнее см. полемическую статью автора о книге Федоренко на научно-просветительском сайте «Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года»: <http://socialist.memo.ru/recens/y04/MF.htm>

³ Цит. по кн.: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 217.

⁴ Цит. по кн.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С. 554–555.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 1, ч. 1, л. 1–16.

⁷ Там же.

⁸ Там же, т. 2, л. 258–258 об.

⁹ См.: Голос России. 1922. 25 июня.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 4, л. 370.

¹¹ Там же, л. 380, 447, 450.

¹² Там же, л. 473.

¹³ Там же, л. 372, 373, 385. Фейт писал: «Со времени Октябрьской революции я не участвовал в террористических актах, направленных против представителей власти, равным образом участия в экспроприациях не принимал и на заседаниях Центрального комитета, где разбирались бы эти вопросы, не участвовал. С 18-го года от дел партии устранился» (там же, т. 4, л. 372).

¹⁴ Там же, т. 23, л. 512.

¹⁵ 1-я группа обвиняемых в конечном счете составила 22 человека. К высшей мере наказания были приговорены 12 из них: В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев. Исполнение приговора Президиум ВЦИК отложил и превратил смертников в заложников на случай активной, прежде всего террористической, деятельности эсеров. 13-м смертником процесса, которому приговор был вынесен почти год спустя, стал член ЦК ПСР в 1917–1918 гг. В.Н. Рихтер. Н.И. Артемьев, М.А. Веденяпин, А.В. Либеров, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович получили по 10 лет строгой изоляции, Е.С. Берг, М.И. Львов (наст. имя – П.С. Галанов), В.Л. Утгоф – по 5 лет строгой изоляции, Г.Л. Горьков – 3 года и П.В. Злобин – 2 года строгой изоляции. Подсудимые 2-й группы, состоявшей из 10 человек, получили следующие приговоры: Ю.В. Морачевский и Г.М. Ратнер были оправданы, Г.И. Семенов, В.И. Игнатъев и Л.В. Коноплева приговорены к высшей мере наказания, а остальные – к различным срокам заключения (И.С. Дашевский – 3 года, П.Т. Ефимов – 10 лет, Ф.В. Зубков, К.А. Усов, Ф.Ф. Федоров-Козлов –

5 лет, П.Н. Пелевин – 3 года, Ф.Е. Ставская – 2 года). Впрочем, по ходатайству Верховного трибунала все они были помилованы Президиумом ВЦИК и освобождены от наказания.

¹⁶ По донесению ИНО ГПУ, один из иностранных защитников К. Розенфельд в интервью «Рижскому курьеру» 22 июня 1922 г. заявил: «Во время наших совещаний с советскими защитниками всегда присутствовал агент че-ка. Состав суда "редкостный". Постоянный председатель суда Крыленко в этом процессе стал обвинителем; заместитель Крыленко Пятаков – его шурин. Подписавшая обвинительный акт г-жа Розмирович – жена Крыленко. Одним словом, весь состав суда – семья Крыленко. Московский процесс – грубейший произвол и глумление над правосудием и правом, если вообще можно говорить о существовании такового в сов. России» (см.: ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 63, л. 175).

¹⁷ Там же, т. 46, л. 6. Примечательно, что на всех предыдущих протоколах комиссии стоял только гриф «Совершенно секретно», а на этом появился еще и весьма необычный гриф: «Хранить конспиративно».

¹⁸ Там же, т. 42, л. 57.

¹⁹ Там же, т. 25, л. 466.

²⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 776.

²¹ Там же. С. 208.

²² См.: Я н с е н М. Указ. соч. С. 206.

²³ Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. С. 58–59.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 204–205.

²⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 781.

²⁷ Там же. С. 558.

²⁸ См.: Вынужденное заявление // Социалистический вестник. 1922. 2 августа. С. 5; Hoover Institution Archives. В. Nikolaevsky collection. Box. 8. Folder 19.

²⁹ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 46, л. 113, 113 об., 114 об., 115.

³⁰ См.: Я н с е н М. Указ. соч. С. 198–199.

³¹ См.: А р к а в и н а В. Сухорукова-Спектор и суд на Бакинскими с.-р. // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 342–343.

³² ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 48, л. 269.

³³ К а т о р ж а н и н. Письма из залы суда // Социалистический вестник. 1922. 2 августа. С. 7.

³⁴ Б.Н. Ратнер // Социалистический вестник. 1931. № 21. С. 14.